Научная статья

УДК 94(470.4).084.3«1918»

DOI 10.37724/RSU.2021.73.4.005

Гражданская война в Поволжье летом 1918 года. Взятие Симбирска глазами противоборствующих сторон

Николай Александрович Копылов

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел России, Москва, Россия

n-kopylov@mail.ru

Аннотация. Выступление Чехословацкого корпуса против власти большевиков летом 1918 года стало толчком к масштабной Гражданской войне в России. После взятия чехами Самары и начала военных действий в Поволжье и Сибири эти регионы оказались отрезаны от Советской России. В статье рассматривается один из ключевых моментов начала Гражданской войны в Поволжье — взятия белыми войсками Симбирска. Используя архивные документы, автор представляет картину боев с точки зрения обеих противоборствующих сторон и раскрывает значение Симбирска как для советской власти, так и для ее противников.

Ключевые слова: Симбирск, Российская революция, Чехословацкий корпус, латышские стрелки, Гражданская война в России.

Для цитирования: Копылов Н. А. Гражданская война в Поволжье летом 1918 года. Взятие Симбирска глазами противоборствующих сторон // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2021. № 4 (73). С. 43–53. DOI: [10.37724/RSU.2021.72.3.005](https://doi.org/10.37724/RSU.2021.72.3.005).

Original article

Civil War in the Volga Region in the Summer of 1918. Simbirsk Operation as Viewed by Rivalry Armies

Nikolay A. Kopylov

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry
of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

n-kopylov@mail.ru

Abstract. The revolt of the Czechoslovak Legion against the Bolsheviks in the summer of 1918 provoked a large-scale Civil War in Russia. When the Legion entered Samara and started military actions in the Volga region and in Siberia, these regions were cut off from Soviet Russia. The article focuses on Simbirsk Operation, one of the key moments of the early stages of the Civil war in the Volga region. The author analyzes archival documents to reconstruct the military conflict from the point of view of the rivalry parties and to investigate the significance of Simbirsk for the Soviet authorities and for the opposition.

Keywords: Simbirsk, Russian revolution, Czechoslovak Legion, Latvian Riflemen, Civil War in Russia.

For citation: Kopylov N. A. Civil War in the Volga Region in the Summer of 1918. Simbirsk Operation as Viewed by Rivalry Armies. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin.* 2021; 4 (73): 43–53. (In Russ.). DOI: [10.37724/RSU.2021.73.4.005](https://doi.org/10.37724/RSU.2021.73.4.005).

Военные действия, развернувшиеся в июне–июле 1918 года в Поволжье в связи с выступлением Чехословацкого корпуса против советской власти, не только вызвали эскалацию Гражданской войны, но и поставили руководителей Советской России перед необходимостью проведения широкой военной реформы, направленной на создание боеспособной армии. Особую тревогу среди советского военного руководства вызвало взятие чехами Самары, а через некоторое время — войсками Белой народной армии и Чехословацкого корпуса Симбирска, ставшего после падения Самары «центром обороны верхнего Поволжья и формирования частей Красной армии для борьбы с чехо-словаками» [Алексеев, 1927, с. 68]. Значимость поволжского района для большевиков летом 1918 года подтверждается позднейшими воспоминаниями генерал-майора П. П. Петрова, служившего в апреле–июне 1918 года в штабе Поволжского военного округа Красной армии, а затем перешедшего на сторону белых: «...у Самарского Совета перед чехословацким “мятежом” были свои местные тревоги. Происходили волнения во многих сельских местностях из-за реквизиций лошадей и подвод для красноармейских отрядов. В самом городе были случаи крупных столкновений с левыми эсерами, анархистами и прочими противниками режима и политики» [Петров, 1965, с. 94].

Необходимо учитывать, что в условиях начавшихся активных боевых действий в этом регионе у противоборствующих сторон не было регулярных вооруженных сил, испытывался дефицит снабжения продуктами и обмундированием. О состоянии присланных в Поволжье из центральных губерний красных отрядов свидетельствует один из первых приказов главнокомандующего войсками Чехо-словацкого фронта (название по документам советских войск, оперирующих против чехословацкого корпуса. — Н. К.) А. Ф. Мясникова¹: «Предлагаю всем немедленно прекратить всякую реквизицию продуктов и других предметов, необходимых для фронта, без санкции местных военных комиссариатов или штаба Главнокомандующего фронтом» [РГВА. Ф. 151. Оп. 2. Д. 2. Л. 26]. Тяжелым было и положение с мобилизационной работой, так как «добровольцев для службы в Красной Армии не находилось ни среди солдат, ни среди офицеров» [Петров, 1965, с. 94].

Не лучше обстояло дело и в лагере противников советской власти, стремившихся быстро сформировать свои вооруженные силы. «Состав — большею частью бывшие офицеры и воспитанники высших и средних учебных заведений из местной буржуазии. Рабочие и вообще горожане дали ничтожное число добровольцев. Значительная часть офицерства осталась выжидать, надеясь, что удастся избежать участия в гражданской войне. Были, конечно, и такие, что отрицательно относились к новой власти, как полубольшевистской, и отказывались от службы», — свидетельствовал один из участников формирования Народной армии в Самаре [Петров, 1965, с. 97]. Исходя из данной расстановки сил, можно отметить, что основными боеспособными частями у красных и белых на начальном этапе Гражданской войны были иностранные военные контингенты: на большевистской стороне сражались полки красных латышских стрелков, а на стороне их противников — Чехословацкий корпус. Начальные бои в Поволжье летом 1918 года явились своеобразным противоборством этих формирований, воевавших на чужой для них войне.

После захвата 8 июня 1918 года частями Чехословацкого корпуса Самары, создания там первого антибольшевистского социалистического правительства (Комитет защиты Учредительного собрания) и начала организации Народной армии, руководители Белого движения в Поволжье стремились взять под контроль весь регион. Овладев рядом городов по волжскому побережью, они выдвинули самые боеспособные войска под командованием подполковника В. О. Каппеля на Симбирск.

По своим политическим, социально-экономическим характеристикам этот губернский центр мало чем отличался от остальных волжских городов. Однако летом 1918 года город стал главным оплотом советского режима в Поволжье, что отмечали руководители местной большевистской власти: «Со сдачей Самары центром обороны верхнего Поволжья и формирования частей Красной армии для борьбы с чехо-словаками становится Симбирск». 19 июня 1918 года в город прибывает высшая военная инспекция во главе с членом Высшего военного совета Н. И. Подвойским, давшая «толчок более интенсивной деятельности по организации отпора контрреволюции» [Алексеев, 1927, с. 68].

Спешно начинается формирование военных отрядов симбирского гарнизона: «На общегородском собрании большевики постановили организовать обучение местных коммунистов военному делу. Губернскому военному комиссариату поручалось организовать занятия, посещение

¹ А. Ф. Мясников (Мясникян) (1886–1925) в июне 1918 года командовал Поволжским фронтом против чехословаков.

которых являлось обязательным. Отсутствие без уважительных причин становилось основанием для исключения человека из партии большевиков. На собрании с целью контроля избрали специальную комиссию, в нее вошли Я. В. Звирбуль, А. К. Нейланд, Б. Н. Чистов и др.». В конце июня 1918 года войсковые подразделения в районе Симбирска, Инзы и Сызрани были объединены в 1-ю Революционную армию Восточного фронта под командованием А. И. Харченко (с 26 июня — М. Н. Тухачевского). Этой мерой решалась задача формирования крупного воинского соединения, подчинявшегося единому руководству [Рыбков, 2017, с. 138].

В это же время группы Народной армии наступали на Симбирск в четырех направлениях: бугульминском, сызранском, сенгилеевском и ставропольском. 20 июля 1918 года Симбирск объявляется на осадном положении. Белые стремились овладеть губернским городом еще и потому, что, как отмечал впоследствии В. И. Лебедев, член Самарского военного штаба, организатор Народной армии: «...там был единственный патронный завод, то есть именно то, чего у нас не хватало» [Лебедев, 2003, с. 184].

Ядро красного гарнизона Симбирска составлял 1-й латышский революционный полк под командой Я. Тилле в составе 500 стрелков с 2 орудиями, в который потом влилась симбирская латышская рота, организованная из местных латышских рабочих комендантом города Я. Звирбулисом [История ... , 1972]. Латышские советские историки отмечали, что «комплектование Латышской дивизии в 1918 году происходило за счет различных источников. В апреле–мае дивизия пополнялась главным образом добровольцами — демобилизованными стрелками из старых латышских полков, летом и осенью значительную часть вступающих в дивизию составляли эвакуированные латыши и беженцы, а также солдаты-латыши, переводившиеся по их просьбе из других частей Красной армии. Несмотря на то, что Латвия была оккупирована германскими войсками, база для пополнения дивизии вполне удовлетворяла требованиям: в Советской России в 1918 году проживало несколько сот тысяч латышей» [Там же, с. 231]. Латышские стрелки отличались крепкой дисциплиной и спаянностью, а также наличием фронтового опыта Первой мировой войны, в отличие от многих добровольческих отрядов Красного восточного фронта. Советские руководители отмечали, что «институт комиссаров в Латышской дивизии... не получил широкого развития ввиду наличия очень сильной и авторитетной партийной организации и стрелковых комитетов» [Там же, с. 226]. Можно вполне утверждать, что в летне-осенних боях 1918 года в Поволжье латышские стрелки составили главный ударный костяк только формирующейся Красной армии и играли такую же ведущую роль, как и солдаты Чехословацкого корпуса, выступавшего главной силой противоположного лагеря.

Именно в это время «командование частями на фронте скоро было объединено в руках полковника С. Чечека, как командующего Поволжским фронтом» [Петров, 2003, с. 27]. Именно Чечек принял решение «взять Симбирск и с этой целью приказал командиру 1-го чешского полка, капитану, а ныне полковнику Степанову, начать движение с двумя батальонами полка от Уфы по железной дороге к Симбирску» [Лебедев, 2003, с. 185]. В свою очередь, командующий частями Народной армии в этом районе В. О. Каппель предложил чешскому главнокомандующему послать часть Народной армии из Сызрани к грунтовой и проселочной дороге на Симбирск по правому берегу реки Волги. «Этот план был принят, и два батальона вместе с взводом легкой артиллерии и гаубичным взводом, а также добровольческим эскадроном двинулись из Сызрани на Симбирск. Это был один из феерических маршей, ибо войска сделали (на крестьянских телегах) в 5 дней около 130 верст, оставляя вправо и влево от себя громадные отряды большевистских войск» [Лебедев, 2003, с. 186]. Вечером 21 июля 1918 года отряд подполковника Каппеля вышел к Симбирску и начал атаку на город.

Информация о боях под Симбирском и в самом городе присутствует в источниках обеих противоборствующих сторон. Белые обычно описывают взятие Симбирска как смелую операцию, проведенную исключительно отрядом полковника В. О. Каппеля, если об этом пишет русский участник событий. «Высланные вниз по Волге, в сторону Сенгилея, Новодевичьего и Ставрополя красные войска молниеносно были разбиты и уничтожены Каппелем. Это заставило красных в Симбирске с лихорадочной поспешностью превратить крутой берег Волги в неприступную крепость. Блестели жерла орудий, направленные с укрепленных возвышенностей на Волгу для встречи Каппеля...

Зорко смотрели высланные наблюдатели вниз по течению, ожидая прихода Народной армии и уже тогда легендарного Каппеля. Артиллеристы были готовы открыть огонь. Прожекторы

тщательно и неустанно по ночам освещали Волгу в ожидании Каппеля. Но Каппель со своим отрядом на свежих перекладных подводах буквально протаранил 140 верст по главному тракту от Сызрани до Симбирска, быстрым натиском выбивая красных из попутных деревень, не обращая внимания ни вправо, ни влево. Попадавшиеся на пути красные отряды разлетались в сторону от Народной армии как осколки стекла из-под удара молота. И на четвертый день похода, 21 июля 1918 года, совершенно неожиданно для красного командования каппелевский отряд вырос как из-под земли под Симбирском. Но только не на Волге, где его ожидали.

Главные силы Народной армии, обойдя город с юга и запада, вихрем ворвались в город с фланга и тыла и захватили позиции красных, убежавших через город, побросав орудия, пулеметы и много снарядов и патронов...» [Вырыпаев, 2007, с. 246].

Представители чешской стороны, наоборот, стремятся отдать пальму первенства частям пензенской группы полковника С. Чечека, ставшим, как и при взятии Самары, главной ударной силой наступающих белых войск. «...теперь вся задача должна свестись, во-первых, к тому, чтобы быстрым налетом не дать большевикам взорвать Александровский мост через Волгу и поддержать Каппеля, а, во-вторых, предупредить Ставропольскую группу красных и не дать ей возможности переправиться у Симбирска. Задача была выполнена ударниками, форсировавшими мост. Вслед за ними переправился на ту сторону и я, во главе 9-й и 10-й рот. Отряд подполковника Каппеля входил в это же время в город с юго-запада. Я немедленно выделил ударников для прочного занятия станции Симбирск, а роты построил у моста во взводных колоннах», — так выглядит бой под Симбирском в воспоминаниях полковника А. П. Степанова ², командовавшего 1-м стрелковым имени магистра Яна Гуса полком [Степанов, 1926, с. 94].

В свою очередь, представители Комуча и Народной армии всячески стремились принизить чехословацкую роль при взятии стратегически важного волжского города. «...21 июля вечером подполковник Каппель был под стенами города, начал бой, и 22 июля большевики были изгнаны из Симбирска, и наши войска, после жестокого боя, вошли в него. Через четыре часа после нашего входа с левого берега Волги в город вошли чехословаки, и общее командование всеми силами перешло к командиру чешского полка, капитану Степанову, офицеру русской службы, русскому по происхождению. Мне были даны в Симбирске также самые исключительные полномочия, которыми я пользовался в Сызрани и вообще на всей территории, занятой войсками Народной армии» [Лебедев, 2003, с. 187].

Подобное освещение симбирских событий во многом объясняется тем, что основным их источником являются воспоминания, написанные, как минимум десятилетие спустя. Здесь также надо учитывать сложившееся к этому времени отношение русских участников белой борьбы на Востоке России к чехословацким солдатам, в которых видели один из основных источников поражения белых войск адмирала А. В. Колчака.

Практически сразу после завершения Гражданской войны начинают публиковаться разные сочинения и мемуары, в которых чехи прямо обвиняются в «предательстве Белого дела в Сибири» и прочих преступлениях. По мнению одного из авторов, «...чехи меньше всего думали о благе русского народа, и вся деятельность их вождей была проникнута политиканством мелкого масштаба и непрерывным вмешательством во внутренние дела России; кроме того, в политическую деятельность чехов вмешалась самая беззастенчивая коммерческая спекуляция. Вместо того, чтобы направить свою энергию на объединение всех антибольшевистских партий, чехи связали свою судьбу исключительно с эсерами и союзом с этой партией была продиктована вся их последующая деятельность» [Славянофил, 1921, с. 6].

Основным рупором чешской критики стал генерал-лейтенант К. В. Сахаров. Во многом ответственный за катастрофические последствия эвакуации Омска в ноябре 1918 года, он в своих воспоминаниях явно стремился переложить всю вину за трагический исход на Чехословацкий корпус и его командование. Говоря о событиях лета–осени 1918 года в Поволжье и Сибири, Сахаров старается умалить роль чешских солдат в успешных действиях против большевиков и неоднократно подчеркивает национальную принадлежность российских офицеров, служивших в это время в рядах Чехословацкого корпуса. «Справедливость требует сказать, что без помощи офицерских организаций восстание чехословаков не имело бы успеха, — на каждой станции, по уходе чехов, снова появлялись бы большевистские банды, борьба приняла бы затяжной характер в чужой для

² Полковник Александр Петрович Степанов в конце Первой мировой войны, будучи в должности начальника разведывательного отделения штаба 39-го армейского корпуса, перешел в Чешско-Словацкий корпус и в составе последнего, на должности командира 1-го Чешско-Словацкого стрелкового Яна Гуса полка, принял активное участие в выступлении чехословаков против большевиков на Волге в 1918 году.

чехов стране, на железной дороге длиной в пять тысяч верст со всеми преимуществами на стороне красных; чехи были бы разбиты по частям и уничтожены. Доблестное многострадальное русское офицерство встало с оружием в руках на всем пространстве от Волги до Тихого океана и оказало братским славянским полкам могучую поддержку. Да и самые боевые действия чехословацких полков, имевшие такое славное начало, направлялись также русскими офицерами (как полковник Ушаков, павший в бою у Байкала, Войцеховский, Степанов и много других)» [Сахаров, 1923, с. 214], — подобная критика роли иностранных солдат в Гражданской войне во многом оказала влияние на последующее негативное восприятие русскими участниками чешских солдат и офицеров.

Еще одним упреком чинам и командованию Чехословацкого корпуса стало занятие ими нейтральной позиции по отношению к событиям Гражданской войны. Практически каждый, кто касался сибирской и поволжской тем, не мог не припомнить чехам их странную, по мнению русских белогвардейцев, позицию: «“Невмешательство” в русские дела долго не могло вписаться в русские головы. Благодаря этому много было совершено ошибок, слишком болезненно потом переживалось разочарование, больно отразился братский удар в размякшее русское сердце» [Котомкин, 2004, с. 577].

Исходя из подобных противоречивых оценок взятия Симбирска со стороны белых, небезынтересно будет, опираясь на архивные документы, рассмотреть события с позиции противоположной, красной стороны, так как это позволит не только восстановить полную картину событий, но и объяснить причины успешных действий белых войск в Симбирской операции.

Падение Самары, которая была взята практически с ходу, вызвало необходимость превращения Симбирска в укрепленный район. 18 июля противником взята Сызрань, и Симбирск объявляется на военном положении. Непосредственная угроза Симбирску возникает 16 июля 1918 года, когда отряд В. О. Каппеля и части Чехословацкого корпуса захватывают ближайший к городу населенный пункт — Мелекесс. Командование Восточного фронта создает новый штаб обороны Симбирска. В него вошли комендант города Я. М. Звирбуль, комиссар труда Иванов и командир 1-го Латышского революционного полка Тилле. Командующим симбирской группой войск был назначен С. М. Пугачевский, действия которого оценивались его же сотрудниками довольно низко. Вот какой образ командующего представляет в своих воспоминаниях Н. Я. Гимельштейн, комендант бронепоезда «Свобода или смерть», сыгравший значительную роль в боях под Бугульмой и Мелекессом, а также при обороне Симбирска: «В ночь на 21-е мы прибыли в Симбирск. Утром пишу докладную записку тов. Малову в Москву, а также председателю Центроброни тов. Ерофееву о неправильных действиях со стороны командующего фронтом т. Пугачевского, о его бездарности и неспособности руководить фронтом» [РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Ед. хр. 486. Л. 26].

О руководстве группой войск Пугачевским служившие в 1-й армии впоследствии писали следующее: «Оперативные планы вырабатывались единолично командующим, имевшим при себе карту-девятиверстку старого издания, что было, конечно, недостаточным при незначительном протяжении фронта. Часто пункт, отмеченный нами на карте, не мог быть занят нами по той причине, время изменило характер местности и там, где раньше был лес, теперь оказывалось пустое пространство или засеянное поле» [Годовщина ... , 1920, с. 83]. Член Высшего военного совета Симбирска и Революционного военного совета (РВС) Восточного фронта Г. И. Благоданов перед следственной комиссией, созданной для выявления причин оставления города, докладывал о командующем: «Командующий Симбирской группой войск Пугачевский — человек без военных перспектив. Был назначен лишь потому, что больше некого было назначить. Он бился как рыба об лед, но, за отсутствием помощников и каких бы то ни было указаний от командующего, сделать ничего не мог...» [РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Ед. хр. 7. Л. 13].

К началу боев за город положение красных частей оставляло желать лучшего. «...гарнизон Симбирска состоял из 200 латышских стрелков, 100 красноармейцев-интернационалистов, 100 военнослужащих, а также находившегося в распоряжении военного комиссариата бронепоезда. Кроме того, в резерве находился небольшой по численности отряд железнодорожников, 2-й Симбирский полк в 500 штыков. Но даже такому небольшому гарнизону не хватало оружия» [Рыбков, 2017, с. 136–137]. Что касается бронепоезда, то это был прибывший после боев под Бугульмой военный состав «Свобода или смерть» под командованием А. В. Полупанова, не представлявший из себя сильной боевой единицы. По свидетельствам участников событий, «в результате предыдущих боев, из 4-х орудий на бронепоезде оказались испорченными 2 орудия, а к 6-ти дюймовому не было снарядов» [РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Ед. хр. 486. Л. 25]. Кроме того, в городе практически отсутствовала артиллерия, а оборонительные укрепления совсем не возводились. Анализ документов следственной комиссии, расследовавшей обстоятельства сдачи Симбирска

белым, показывает общую неготовность города к обороне и неспособность городского и партийного руководства организовать необходимые работы. В частности С. М. Пугачевский в своих показаниях отмечал: «Работы велись нехотя, все сваливали ее друг на друга. Установки орудий я не мог добиться. Начальник артиллерии не знал ни количества находящихся у него орудий, ни их пригодность в боевом отношении. Окопы приготавливались нехотя, и к моменту боя у Симбирска их еще не было именно с той стороны, где я постоянно требовал их возведения. <...>. Все мои приказы о введении всех отрядов в город остались лишь приказами, ни начальник гарнизона Поляков, ни комендант крепости Звирбул не приняли нужных мер» [РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Ед. хр. 7. Л. 6–6 об].

Таким образом, можно утверждать, что к моменту подхода к Симбирску белых и чехословацких войск город практически не был готов к обороне. Как отмечают современные исследователи: «При сложившемся положении успешная оборона Симбирска становилась проблематичной» [Рыбков, 2017, с. 139]. Советское командование также допустило ряд ошибок, которые облегчили противнику захват города. Предполагалось, что белые нанесут удар со стороны реки, высадив десант, поэтому все орудия были сосредоточены вдоль речного берега и направлены в сторону реки. Однако В. О. Каппель избрал иной вариант действий и начал наступление со стороны железнодорожного вокзала, чем вызвал панику в рядах красноармейцев и рабочих дружин.

Непосредственно на город наступала группа чехословацких войск и части Народной армии под общим руководством полковника С. Чечека. Чешские войска части были представлены 1-м, 2-м и 1-м запасным чехословацкими стрелковыми полками трехбатальонного состава, тремя бронепоездами, 18 орудиями, одной инженерной ротой и двумя бронеавтомобилями, и представляли довольно внушительную силу. Непосредственно на Симбирск наносил удар 1-й стрелковый полк при поддержке бронепоезда № 1. Интересно отметить, что белая сторона ничего не упоминает о наличии в их рядах бронепоезда. Скорее всего, в советских источниках этим словом именуется сборный эшелон, усиленный орудиями. Так, участник боев за Симбирск отмечал: «У Степанова был самодельный броневой поезд, то есть платформа, на которой было поставлено трехдюймовое орудие под командой поручика русской службы Холявина» [Лебедев, 2003, с. 186].

Советская историография, сложившаяся еще в конце 1920-х годов, когда публиковались документы и воспоминания, посвященные десятилетнему юбилею событий Гражданской войны в Поволжье, описывает бой в Симбирске следующим образом: «Оборонять Симбирск при создавшихся условиях было почти невозможно. Главное средство обороны — шестидюймовые орудия были расставлены в таких местах, где никакого вреда белым причинить не могли; в тот момент, когда белые наступали с южной стороны, орудия открыли пальбу в совершенно противоположную сторону — за Волгу. Тут было определенное предательство. Бронепоезд Полупанова “Смерть или свобода” был также двинут по линии Волго-Бугульминской для обороны подступов к мосту, но оттуда наступления не последовало, опасность не грозила. Этот поезд героически бился с зашедшими к нему в тыл частями белых, и почти вся его команда погибла.

Начавшийся рано утром бой под Симбирском продолжался несколько часов, но перевес оказался на стороне белых. Под прикрытием отступающих отрядов начал эвакуироваться Исполком, за отступавшими в город вошли белые» [Алексеев, 1927, с. 82].

Сам командир бронепоезда, А. В. Полупанов, в своих воспоминаниях, изданных впервые в 1939 году, а потом переиздававшихся в 1941 и 1966 годах, изображает героическую картину гибели бронепоезда в бою за Симбирск. По приказу командира его было решено утопить в Волге. «Гудит первая уцелевшая ферма... На миг бронеплощадка повисает в воздухе, затем падает вниз. За нею с грохотом и железным скрежетом летят паровоз, вагоны... Огромные фонтаны и мириады брызг поднимаются вверх. Расступается и вновь смыкается бурлящий водоворот, расходится широкими кругами...» [Полупанов, 1939, с. 56].

Однако свидетельства непосредственных участников событий представляют иную, менее героическую картину. Командующий Симбирской группой войск С. М. Пугачевский в рапорте на имя командующего фронтом И. И. Вацетиса описывал бой за город следующим образом: «В воскресенье 21.07. во время моего совещания с членом Высшего Военного Совета т. Благонравовым и т. Куйбышевым в Штаб ворвался с бандой вооруженных солдат начальник бронированного поезда Полупанов (подчеркнуто в тексте. — Н. К.) и с криком: “Мы все окружены, все пропало”, — схватил меня и силой потащил к месту боя. Мне удалось собрать отряд солдат в числе около 300 человек и, захватив пулеметы, я поехал на линию боя. <...>. Неприятель наступал силой около четырех сот пехоты с отрядом кавалерии при двух полевых трехдюймовых и одном шестидюймовом орудиях» [РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Ед. хр. 7. Л. 6].

Далее командующий войсками описывает картину, характерную для боевых действий начального периода Гражданской войны. «Полупанов, угрожая мне револьвером, велел вести бой, а сам скрылся куда-то (подчеркнуто в тексте. — Н. К.). Увидя, что нашему правому флангу угрожает опасность быть обойденным, я рассыпал цепи по линии железной дороги и приказал открыть пулеметный огонь. Враг отступил и концентрировал свои силы на левом фланге.

В это время два неизвестных мне солдата полупановского отряда схватили меня под руки и, угрожая револьверами, повели меня в город за артиллерией, передав командование пехотой тов. Хлебникову, я пошел в город. Это было около десяти часов вечера. Паровозы на станции стояли потушенными, прислуга разбежалась.

В это время поезд Полупанова начал уходить с позиции (подчеркнуто в тексте. — Н. К.) и, несмотря на приказание остаться, ушел в неизвестном мне направлении.

Прибежав в город, я с десятью солдатами собирал всех бродящих в это время солдат отрядов и посылал их на линии боя. На станции Симбирск 1 стояли орудия, но артиллеристы все куда-то разбежались. Мой приказ, отданный Звирбулу, об установке 6-ти дюймового орудия не был исполнен. Я пришел в Штаб около 2-х часов ночи, и застал там Начальника Штаба Корибского и его помощника — остальные разбежались, а начальник связи Якиманский уехал с автомобильным и телефонным имуществом к белогвардейцам» [РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Ед. хр. 7. Л. 7–7 об]. Таким образом, из-за страха и отсутствия скоординированности действий советского руководства войска Симбирского гарнизона охватила паника, которая распространялась все шире, захватывая даже, казалось бы, надежные воинские части. «Из штаба я направился в Латышский полк, но там мне сказали, что военный комиссар Готлиб, сказав, что весь город окружен чехами, велел им уходить, и сам куда-то уехал (подчеркнуто в тексте. — Н. К.). На вопрос мой: “А где же латышский полк?”, мне ответили: “Он ушел на пристань грузиться”.

Я с несколькими солдатами бросился на пристань. Начинало светать. В это время в разных частях города раздавалась редкая оружейная и пулеметная стрельба.

Когда я пришел на пристань, то там стоял пароход, нагруженный около 150 чел. бегущих, на мой приказ идти на станцию Симбирск-первый, они ответили, что им начальство приказало грузиться на пароход, а меня они не знают и не желают знать, тем более что большая часть уже уехала.

Я взял легкий катер и поехал вдогонку. Мне удалось нагнать пароход с солдатами и боевую вооруженную флотилию под предводительством Нейткоргера, которые удирали первыми.

Мне первоначально, когда я узнал от т. Благоднарова, что приказа об отступлении никто не давал, удалось остановить солдат и погрузить их на один пароход в количестве около тысячи человек. Но как только они узнали, что я хочу их вести обратно в Симбирск, то, угрожая мне штыками, разбежались по другим пароходам и категорически отказались идти на Симбирск. Латышские стрелки первыми отказались подчиниться мне и требовали, чтобы меня отдали им на расправу за то, что я отдал приказ наступать на Симбирск и не разрешал ехать в Казань.

От пережитых волнений и усталости я упал в обморок и пролежал несколько часов без памяти. Командование на себя принял т. Благоднаров. А вечером и его хотели расстреливать взбунтовавшиеся солдаты за неразрешение ехать в Казань, только кучкой сознательных людей под моим предводительством и угрозой пулемета мне удалось отстоять его.

Венгерская рота, прибывшая к этому времени из Казани, отказалась идти на Симбирск (подчеркнуто в тексте. — Н. К.).

Большая часть судов под предводительством боевой флотилии... ушла самовольно в Казань, но была остановлена идущим навстречу т. Трофимовским в Усть-Камске.

Отряд Полупанова, первым оставивший позиции, отступая грабил, а солдаты его отряда пытались подбить отступающих ограбить находящиеся при Штабе деньги в сумме трех миллионов рублей.

По сведениям, полученным из Симбирска, Полупанов совместно с Гольштейном (Гимельштейн. — Н. К.) арестовали командующего Бугульминским фронтом Хлебникова без всяких причин и заключили его под стражу, где последний и остался, после взятия Симбирска чехами был ими расстрелян» [РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Ед. хр. 7. Л. 8–8 об].

Участник событий, о котором писал Пугачевский, комендант бронепоезда «Смерть или Свобода» Н. Я. Гимельштейн спустя четырнадцать лет на встрече ветеранов 1-й Революционной армии представлял действия команды бронепоезда несколько иначе: «21 июля в 15 часов подвижной состав во главе с бронепоездом вышел из Симбирска. В 15.30. подвижной состав с бронепоездом остановился на пути в расстоянии около километра, не доезжая станции Киндяковка. С этой остановки по правилам движения бронепоезда мы выслали вперед за Киндяковку по

направлению к ст. Охотничий разведку на дрезине, которая вскоре возвратилась и поставила нас в известность, что впереди путь разобран, деревянный железнодорожный мост горит.

Оставив подвижной состав, т. Полупанов с бронепоездом проходит через мост и движется к Охотничей. Вдруг нас стали обстреливать чехи из орудий левого фланга. Бронепоезд стал отвечать. Более двух часов продолжалась перестрелка, пока наш бронепоезд был вынужден, вследствие порчи последнего орудия, отойти» [РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Ед. хр. 486. Л. 27].

Однако отрицательную роль командира бронепоезда Полупанова упоминает в своих показаниях и Благодоров, приписывая себе главную роль в симбирских событиях: «Подкрепления по словам главнокомандующего Вацетиса должны были прийти и уже шли, но ни одного солдата, кроме 80 человек полка имени Карла Маркса, подоспевшего уже после того, как войска уже ушли из Симбирска. И эта пришедшая часть отказалась идти в наступление, когда им это было приказано.

Со стороны Инзы откуда должен был прийти 4-й латышский полк, появился неприятель, чем ввел колоссальную панику.

<...>. Полупанов внес уже главную панику в среду красноармейцев в Симбирске, в момент появления противника. Вот три причины. Три вины, по которым может быть направлено следствие. Ничего не могу сказать о поведении отдельных лиц; замечу только, что сильная утечка из города началась за три-четыре дня до его падения. Я лично уехал из Симбирска только в третьем часу (в день падения Симбирска), за несколько часов до того, как Волга была отрезана. Мною было эвакуировано 40 миллионов рублей из казначейства и три слишком тысячи я вывез с собой. Об обстоятельствах отхода могут рассказать те товарищи, которых я указал. Они же могут дать самые подробные сведения о всем изложенном выше и подтвердить сказанное здесь» [РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Ед. хр. 7. Л. 13].

Таким образом, падением Симбирска был нанесен серьезный удар по позициям большевиков не только в Поволжье, но и в центре России. В одной из первых аналитических работ по истории Гражданской войны в России бывший подполковник Генерального штаба Н. Е. Какурин указывал: «К 25 июля [1918 года] чехословаки и войска народной и сибирской армий заняли целиком Самарскую, Уфимскую и Екатеринбургскую губернии, овладев Симбирском и Екатеринбургом, и в разных местах выходили к Каме» [Какурин, 1990, с. 203]. Белогвардейцы тоже отмечали, что их противник оказался в труднейшем положении: «Появление чехов на Волге с Востока, успехи самостоятельных действий белых, взятие Симбирска в особенности, произвели громадное впечатление в Самаре и в советской России. Перехваченные радио говорили, что Троцкий объявил революцию в опасности, что все силы должны были сосредоточиться на Поволжском фронте; для этого снималось с Германского фронта все — до последней заставы» [Петров, 2003, с. 29]. В итоге сложившееся военно-политическое положение потребовало от большевистского руководства самых решительных мер по укреплению фронта и тыла. Был назначен единый главнокомандующий Восточным фронтом, начался переход к мобилизации в ряды Красной армии, был объявлен призыв бывших офицеров на военную службу. Все это ознаменовало развертывание полномасштабной Гражданской войны в России.

Список источников

1. Алексеев В. Н. Два года борьбы. Октябрь и гражданская война в губернии. — Ульяновск, 1927. — 97 с.
2. Вырыпаев В. О. Каппелевцы // Каппель и каппелевцы : сб. / под ред. Р. Г. Гагкуева. — М. : Посев, 2007. — С. 217–336.
3. Годовщина I-й Революционной Армии. — М., 1920. — 157 с.
4. История латышских стрелков (1915–1920). — Рига : Зинанте, 1972. — 788 с.
5. Какурин Н. Е. Как сражалась революция. — М. : Политиздат, 1990. — Т. 1. — 272 с.
6. Котомкин А. Е. О чехословацких legionерах в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака / под ред. С. В. Волкова. — М. : Центрполиграф, 2004. — С. 575–581.
7. Лебедев В. И. Борьба русской демократии против большевиков // 1918 год на Востоке России / под ред. С. В. Волкова. — М. : Центрполиграф, 2003. — С. 173–201.
8. Петров П. П. Роковые годы 1914–1920. — Калифорния, 1965. — 280 с.
9. Петров П. П. Борьба на Волге // 1918 год на Востоке России / под ред. С. В. Волкова. — М. : Центрполиграф, 2003. — С. 9–42.
10. Полупанов А. В. Бронепоезд «Свобода или смерть» № 4. Полупановцы: воспоминания командира бронепоезда. — М., 1939. — 64 с.
11. Российский государственный военный архив (РГВА). — Ф. 106. — Оп. 7. — Ед. хр. 7. — Л. 6–6 об., 7–7 об., 8–8 об., 13 ; Ф. 151. — Оп. 2. — Д. 2. — Л. 26 ; Ф. 28361. — Оп. 1. — Ед. хр. 486. — Л. 25, 26, 27.

12. Рыбков А. Г. Чехословацкий корпус в Поволжье: 1918 год. Исторические очерки / под ред. Н. С. Яншина. — Саратов : Саратовский соц.-экон. ин-т (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2017. — 220 с.
13. Сахаров К. В. Белая Сибирь. — Мюнхен, 1923. — 324 с.
14. Славянофил. Чешские аргонавты в Сибири. — Токио, 1921. — 21 с.
15. Степанов А. П. Симбирская операция // Белое дело. Летопись Белой борьбы. — Берлин, 1926. — С. 83–95.

References

1. Alekseev V. N. *Dva goda bor'by. Oktjabr' i grazhdanskaja vojna v gubernii* [Two Years of Struggle. October and a Civil War in a Province]. Ulyanovsk, 1927, 97 p. (In Russian).
2. Vyrypaev V. O. The Kappel Troops. *Kappel' i kappelevcy* [Kappel and the Kappel Troops]. Gagkuev R. G. (ed.). Moscow, Seedtime Publ., 2007, pp. 217–336. (In Russian).
3. *Godovshhina I-j Revoljucionnoj Armii* [An Anniversary of the First Revolutionary Army]. Moscow, 1920, 157 p. (In Russian).
4. *Istorija latyshskih strelkov (1915–1920)* [History of Latvian Riflemen (1915–1920)]. Riga, Zinante Publ., 1972, 788 p. (In Russian).
5. Kakurin N. E. *Kak srazhalas' revoljucija* [Revolutionary Struggle]. Moscow, Politizdat Publ., 1990, vol. 1, 272 p. (In Russian).
6. Kotomkin A. E. About the Czechoslovak Legion in Siberia. *Vostochnyj front admirala Kolchaka* [The Eastern Front of Admiral Kolchak]. Volkov S. V. (ed.). Moscow, Centrpoligraf Publ., 2004, pp. 575–581. (In Russian).
7. Lebedev V. I. Russian Democrats' Struggle against Bolsheviks. *1918 god na Vostoke Rossii* [1918 in Eastern Russia]. Volkov S. V. (ed.). Moscow, Centrpoligraf Publ., 2003, pp. 173–201. (In Russian).
8. Petrov P. P. *Rokovye gody 1914–1920* [The Fateful Years: 1914–1920]. California, 1965, 280 p. (In Russian).
9. Petrov P. P. The Volga Struggle. *1918 god na Vostoke Rossii* [1918 in Eastern Russia]. Volkov S. V. (ed.). Moscow, Centrpoligraf Publ., 2003, pp. 9–42. (In Russian).
10. Polupanov A. V. *Bronepoezd "Svoboda ili smert'" no. 4. Polupanovcy: vospominanija komandira bronepoezda* [The "Freedom or Death" Armored Train no. 4. Polupanov's Troops. Memoirs of a Commander of an Armored Train]. Moscow, 1939, 64 p. (In Russian).
11. *Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv* [Russian State Military Archive]. F. 106, Op. 7, Ed. hr. 7, L. 6–6 ob., 7–7 ob., 8–8 ob., 13 ; F. 151, Op. 2, D. 2, L. 26 ; F. 28361, Op. 1, Ed. hr. 486, L. 25, 26, 27. (In Russian).
12. Rybkov A. G. *Chehoslovackij korpus v Povolzh'e: 1918 god. Istoricheskie ocherki* [Czechoslovak Legion in the Volga Region: 1918. Historical Notes]. Janshin N. S. (ed.). Saratov, Saratov Social and Economic Institute (affiliate) of Plekhanov Russian University of Economics Publ., 2017, 220 p. (In Russian).
13. Saharov K. V. *Belaja Sibir'* [White Siberia]. Munich, 1923, 324 p. (In Russian).
14. Slavjanofil. *Cheshskie argonavty v Sibiri* [Czech Argonauts in Siberia]. Tokyo, 1921, 21 p. (In Russian).
15. Stepanov A. P. Simbirsk Operation. *Beloe delo. Letopis' Beloj bor'by* [White Business. Chronicles of White Struggle]. Berlin, 1926, pp. 83–95. (In Russian).

Информация об авторе

Копылов Николай Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел России.

Сфера научных интересов: военная история России, Россия в Первой мировой войне, иностранные военные формирования в Гражданской войне в России, Чехословацкий корпус в России.

Information about the author

Kopylov Nikolay Aleksandrovich — Candidate of History, Associate Professor in the Department of World and Russian History at Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russia, Moscow

Research interests: military history of Russia, Russia in World War I, foreign military units in the Russian Civil War, Czechoslovak Legion in Russia.

Статья поступила в редакцию 03.03.2021; одобрена после рецензирования 15.05.2021; принята к публикации 01.08.2021.

The article was submitted 03.03.2021; approved after reviewing 15.05.2021; accepted for publication 01.08.2021.